Александр Костюнин,
член Союза писателей РФ

Учителю посвящается
(Мам, в первую очередь тебе!)

Поводырь

«Учатся у тех, кого любят».
Иоганн Вольфганг Гёте

Директор школы искусств попался немногословный:
- Зовут Агаев Магомед. Родился первого апреля…
- Какой несерьёзный день.
- ...пятьдесят девятого года. В Татляре окончил начальную школу, с четвёртого класса - в Дербент, интернат №1. Вот, пожалуй, и всё, что могу поведать о себе такого...

Я разочарованно отодвинул блокнот. На белой странице сиротливо повисла короткая строчка. (Называется: «Послушал интересного собеседника!»)
- Вы лучше напишите про моего учителя музыки.
- ?..
- Антонин Карлович Качмарик - чех по национальности... Ему лет семьдесят было. Совершенно слепой - пустые глазницы. Казалось, сам недуг этот физический - горькая плата небесам за великий талант педагога. Всегда в круглых чёрных очках, с тросточкой, и наперевес сутулой фигуры - баян...

* * *

Не забуду первые дни в интернате…

Внизу - классы, на втором этаже - жилые комнаты. Какое-то всё незнакомое, одинокое, чужое... После уроков я болтался по пустым коридорам. Притирался к углам… Никого не знаю. Коридоры тёмные длиннющие, потолки высоченные. Это тебе не уютные саманные сакли в нашем ауле... Каждый шаг отзывается гулким эхом: «Бух - ббу-ууух». И тут слышу приглушённые звуки живой музыки... Я, точно мотылёк, поплыл на огонь. (Музыка нравилась мне.) Остановился у двери актового зала. Стою себе, слушаю. Интересно...

Тихонечко, стараясь не скрипнуть, потянул тяжёлую дверь, подглядываю в щёлку: седой старик в чёрном костюме играет на баяне, дети с незнакомыми музыкальными инструментами. Вдруг баянист поднимает руку, оркестр замирает... старик резко поворачивается лицом ко мне... На глазах у него круглые чёрные очки.

Сле-пооой!

Сперва хотел дёру дать... Что-то остановило...
- Кто-оо там дверь открывает?
Голову просунул поникшую:
- Агаэв... Магомэд.
- Ну-ка, заходи.
Я парень сельский, как такового русского не знал. Захожу.
- Так, говоришь Магомед?
- Ы-ыы, - киваю.
- Редкое имя. Откуда ты?
- Татляр.
Он обращается ко мне, а я не знаю, куда смотреть. Глаз не видно...
- В каком классе?
- Чэтырэ, - для верности показываю на пальцах.
- Тебе музыка нравится?
- Так-то нравытца…
Все дети глазеют на меня, но никто не смеётся.
Он пальцами отстучал по столу ритм:
- Повтори.
Пересилив робость, я повторил. Самому даже интересно…
- Приходи завтра после уроков, на кружок.

Ночью мне снился слепой старик в круглых чёрных очках: он водил меня за руку от кларнета к скрипке, от скрипки к балалайке, к баяну и что-то разъяснял...

Хотя я не умел играть ни на одном инструменте, какие-то данные у меня, похоже, были. Отец мой хорошо играл на зурне.
На другой день еле дождался конца уроков - бегом в зал. Постучался.
- А, Магомед, заходи.
Старик говорил, а голова при этом не привычно - в сторону. То одним боком, то другим... Словно собеседника ищет. Неуверенно подходит к пианино:
- Запомнишь, какие ноты возьму?
И стал по очереди перебирать клавиши. Звуки мне в слух врезались. Я в той же последовательности нажал гладкие чёрно-белые палочки.
Он пропел:
- Ля… ля-ля… Сможешь повторить?
Я спел.
- А вот так: та-та-та-та-тааа…
Я опять.
- Магомед, ты способный мальчик, у тебя всё получится.
Жарко стало! Слова такие... Бабушка Патимат любит повторять: «Если похвалить, даже ослиный помёт подпрыгнет».

Сначала я не знал ничего. Он растолковывал:

- Нотный стан состоит из пяти линий. И есть семь нот: до, ре, ми, фа, соль, ля, си. Всего семь.

- Как цветов в радуге? - простодушно спросил я.

Замолчал, будто споткнулся... По его лицу пробежала грусть.

- Да, как в радуге… Начерти пять горизонтальных линий. Ниже поставь точку: там нота «до» пишется.

Оказывается, «до» рисуют на добавочной.

Мы разучивали с ним ноты четвертные, восьмые, шестнадцатые… Он не мог мне показать и написать ручкой или мелом… Всё обозначал богатой мимикой, голосом. Я пишу за ним под диктовку, а сам вслух проговариваю, куда какой кружок рисую.

Антонин Карлович учил азам. Служил мне... поводырём в мире музыки!

Я был пытливым. И так увлекательно с ним заниматься.

Видно... какая-то искра... пробежала между нами...

В оркестре было много разных инструментов: домра, балалайка, тромбон, контрабас… Хотя не на всех умел играть, но он их знал досконально.

Через месяц на одном из занятий спросил:

- Магомед, какой инструмент тебе ближе других?

- Вот.

Я бережно взял в руки кларнет и передал учителю. На кларнете тогда у нас играли везде: на свадьбах, сельских праздниках…

- Возьми его, поставь мундштук и дунь. Просто дунь. Получится нота «соль». Палец на первую клавишу - это «ми».

Дую.

- Магомед, мальчик мой, неправильный звук. Ты недостаточно воздуха дал. Прижми трость плотнее, мундштук глубже. Постановку губ измени. Чиркни язычком!.. Сделай «ту», как семечки лузгаешь…

И начал показывать: в один день - один звук, в другой день - другой.

Кларнет - небывало-сложный инструмент. Но постепенно, постепенно... Не одним днём, месяцами продолжалась учёба. Стало получаться и... нравиться: «Я сам могу на кларнете звук издавать!»

А когда смог по-настоящему сыграть… О! Клянусь, гордился собой.

Подошло время, он выдал мне кларнет напостоянно. Принял в оркестр. Так же я осваивал домру, балалайку… Зимой на школьном вечере солировал. Девочки-одноклассницы подпевали.

Я летал... на небесах! от восторга…

Спустя год стал в оркестре «первой скрипкой».

Когда начинали изучать новое произведение, я читал его вслух по нотам:

- Ми-четвертная, соль-восьмая, две ми-восьмые, до-шестнадцатая…

Он всё запоминал.

Мы играем - он слушает. Вдруг останавливает. Едва заметная гримаса передёргивает морщинистое лицо:

- Какая там нота идёт?

- Восьмая.

- Ты неправильно сказал, мальчик мой. Не может быть восьмая, посмотри внимательнее…

Благодаря абсолютному музыкальному слуху он заявлял это так уверенно, будто не я читал ноты, а он…

- Вы правы, Антонин Карлович!

Когда приближались большие праздники: Первое мая, День Советской армии или День Победы - он собирал в актовом зале ребят поспособней, и все готовили праздничный концерт. Набирали хор - человек двадцать. Разучивали песни. В основном революционные: «Прощание славянки», «Варшавянку», «Взвейтесь кострами», «Варяг», «Шёл отряд по берегу»… На два голоса пели. Антонин Карлович сам аккомпанировал на баяне и дирижировал:

- Кто там вторым голосом тянет? Сереза Табова, неправильно поёшь. Али, не ту ноту взял. Попробуй ещё.

И по-новой. Десятки раз. Пока не добьётся идеального исполнения.

Так же как меня, он учил всех сельских детей: аварцев, даргинцев, азербайджанцев, лезгин... Музыка стала для нас вторым языком межнационального общения.

Ни один парад, ни одно торжественное мероприятие в Дербенте не обходилось без нашего знаменитого оркестра медных инструментов. И впереди колонны шёл мой одноклассник Мугутдин. Ему Антонин Карлович доверял нести большой барабан. Мугутдин отчаянно бил в него колотушкой, не всегда в такт, но вдохновенно и с большим чувством.

Хуже было с общеобразовательными уроками музыки. Мои сверстники на них усердия не проявляли, а я, вместо того чтобы погрузиться в любимую сферу с головой, терпел их проказы:

Начинается, к примеру, перекличка в классе:

- Надир.

- Я!

- Руханият.

- Я!

- Али.

Надир вместо него выкрикивает: «Я!»

Антонин Карлович с упрёком качает головой:
- Нет, это не Али. Ведь так, сынок?
Положит руку мне на голову. Я подтверждаю:
- Да, это не Али, ребята шутят.
Ему я не смел солгать.

Как Антонину Карловичу хватало на нас терпения? Ума не приложу. Он никогда не взрывался...
Идёт урок. Сидим: шесть парт - так, шесть парт - так.
Солнечный зайчик, отражённый карманным зеркальцем, пробегает по глобусу, беззвучно скользит по доске, останавливается на учителе. Ярко-белое пятно высвечивает засаленный карман пиджака, грубо заползает на лицо. Антонин Карлович, чувствуя тепло, ощупывает поочерёдно нос, губы...
Раздаётся сдавленный смех.
- Ученик, который сидит на пятой парте слева… Магомед, назови имя.
- Руслан.
- …Руслан, выходите, пожалуйста, из класса.
А Руслан смеётся уже в голос и не встаёт.
Я в классе никого не боялся и всегда был за учителя горой:
- Руслан, тебе же сказали…
Тот нехотя вылезает из-за тесной парты.
Мне неудобно при ребятах… но как по-другому?..
Антонин Карлович - человек мудрый. Добрый. Он многому научил.
Клянусь, счастлив, что судьба свела нас!
- Магомед, сынок, ты постигай русский язык. Читай больше: рассказы, стихи. Старайся. Это великий язык! Вот, послушай:

А весною я в ненастье не верю,
И капелей не боюсь моросящих.
А весной линяют разные звери.
Не линяет только солнечный зайчик.

Я старался читать.
Прочно засел этот человек в моей душе... Думаю, чувство было взаимным. Он всё больше открывался. И в слабости своей тоже:
- Магомед, до дому поведи.
А я ещё тогда улиц не знал, однако не отказывал. Мне даже гордо...
Он брал меня за руку, мы шли пыльными улочками... Предупреждает:
- Там лестница будет… - спускаемся. - Теперь налево, в калитку.
Получалось: не я его по городу веду, а он, незрячий, ведёт меня. (Зоркости ему было не занимать: «Слепой видит Бога духом».) По

натуре Антонин Карлович темпераментный, неугомонный в работе. Теперь я сопровождал его повсюду: домой, на уроки музыки в третью школу, в детдом. Отныне, кто бы ни предлагал себя в провожатые, он мягко отказывался: «Спасибо, пойду с Магомедом!»

Ребята за глаза дразнили учителя: «Магомедов дедушка».

И надо мной... надо мной тоже ехидно насмехались, подтрунивали:

- Мы сейчас в футбол идём играть, на море купаться, а ты со своим безглазым Кошмариком попрёшься?.. Поводырь! По-во-дыыырь!!! Ы-ыыы!..

«Почему люди такие злые?!» - навязчивая мысль эта тугим обручем... сжимала сердце. Я не обижался... впадал в какое-то зазеркальное состояние и лишь глядел на кривляющихся, скачущих вокруг мальчишек...

Разглядывал их удивлённо, рассеянно... Точно никого не узнавал...

Да, свою жизнь полностью, без оглядки посвятил любимому учителю. «Мой кобзарь», - мысленно величал я его. Он не отец мне, не дедушка, не дядя… Оказалось, важнее. Привязался я к нему. Каждый день, каждый шаг был рядом: на подхвате, на страховке. Мир солнечный или лунный, туманный или звёздно-ночной - для него едино-чёрен. И уже никогда-никогда радуга не споёт для него ослепительными красками-нотами. Зима ли по-хозяйски вступает в свои права, оголяя деревья, застилая кавказское предгорье белым-пребелым снегом, весна ли, восточная красавица, будоражит светом землю, виноградники, горы, небо и море, - всё для него переводилось в язык звуков, в свист ветра, в щебет или молчанье птиц, в «тепло-холодно». Антонину Карловичу главным органом чувств, его глазами, служили память и я.

Разучивает допоздна новую мелодию. Спохватится - ночь глухая... Поднимется к нам в палату, от порога прислушивается, по дыханию узнаёт меня. На ощупь подходит:

- Магомед, проводи.

Встаю. Знаю: никто другой не поведёт. Все спят. Сонный одеваюсь, глаза слипаются... Колючий снег на дворе. Кутаюсь в жиденькую мышастую одежду. Холодно! Иду с ним по ночному городу, за руку держит. Рука у него большая, тёплая. Он жил далеко от интерната, за базаром… В одну сторону мы иногда успевали на автобусе, обратно - нет. Обратно - я один...

В ночь. Пешком, закоулками. Кругом, будто чернилами залито… Жутко.

Бывало местные приставали. (Я ещё тогда заметил: плохие люди по ночам не спят!) Убежать успевал не всегда. Дрался с ними, если

двое-трое. Если много - терпел. По пинку каждый отвесит и с улюлюканьем шайтанским гоготом прогонят:

- Не суй нос в наш район!!!

В следующий раз иду - опять караулят.

- Ты не понял, ишак?.. Сын ишака!..

Пять лет, пока учился в интернате, я с ним так и ходил.

Восьмой класс близится к концу.

Куда дальше? Хотелось поступить в Дербентское музыкальное училище, но без профильной школы не берут. О своём желании я проговорился учителю. Он успокоил:

- Не горюй! Примут.

Взявшись за ручку, мы вдвоём пришли к преподавателям (а это, оказывается, всё бывшие его ученики). Отрекомендовал меня:

- Зачислите. Мальчик подготовленный.

Там я открыл для себя: многие именитые виртуозы обязаны начальным шагам в мире гармонии звуков первому Устазу, этому скромному слепому музыканту.

Антонин Карлович сильно сдал в последнее время. Немощь, старческое увядание безжалостно подступали.

Когда я собрался из интерната уходить, он попросил:

- Магомед, отведи меня в дом престарелых. Не хочу один здесь...

В ту ночь почти не спал.

Временами горло сдавливал себе... звука не проронить чтоб...

Да, что же это?!! В приют!

У нас на Кавказе родителей не бросают... (Я ни разу не слышал.)

Мой дедушка Гасан до сих пор ухаживает за своим отцом, которому девяносто семь лет. Тот, выходит, мне прадед. Прадед Хаким. У него белёсый посох, густые брови и косматая чёрная папаха. Дедушка Гасан сам приносит ему кумган для омовения. Бережно поддерживает отца, помогая ему, словно маленькому, шажок за шажком выйти во двор, подышать свежим воздухом и полюбоваться на солнышко, птиц в небе. Заботливо укроет тёплой буркой. И Хаким, созерцая бытие, незаметно задремлет... А дедушка Гасан ревниво следит, чтобы никто, даже случайно, не нарушил безмятежный полусон отца.

Мы все безропотно повинуемся прадедушке Хакиму. Мои братья-сёстры, отец, и мама, и даже бабушка Патимат.

Один раз я иду из школы, смотрю: дедушка Гасан сидит перед домом на лавочке и горько беззвучно плачет. Борода подрагивает. Я кинулся к нему. Сам трясусь весь от негодования. «Дедушка! Милый дедушка! Кто посмел тебя обидеть? Назови!» - я готов был сурово наказать обидчика. «Оте-е-ец Хаким... посохом би-иил...» Дедушку Гасана мне было ужасно жаль, но что я мог поделать?.. В таком вопросе ему никто-никто помогать не станет. Прадедушка

Хаким в тухуме старейший и, значит, самый главный! Просто нужно всегда слушаться старших...

- Вы что серьёзно, Магомед?!.

Магомед не услышал меня. Он был сейчас далеко... В прошлом.

- ...Дом престарелых - кладбище живых... Если б только мог, забрал бы любимого учителя к себе... Но пока я всего-навсего студент первого курса.

Жена Антонина Карловича умерла. Детей двое, дочь и сын; после школы разъехались кто куда, и дела нет... (Он не любил вспоминать.) Дочка в Москве училась в каком-то институте: «геодезия-физика-астрономия». (Я такие слова впервые от него услышал.) Сын - капитан дальнего плаванья: у того своя семья.

И вот теперь мой любимый учитель... в приют сиротский, как совсем никому ненужный, брошенный человек...

За день до начала занятий проводил его туда. Довёл до палаты.

Нянечка выдала комплект серого постельного белья, я застелил казённую кровать. (Что ещё я мог сделать?..) На прощанье грустно обнялись. Чёрные очки, с дужкой на оранжевой проволочке, съехали набок...

Едва сдерживаясь, ушёл. Оставил одного.

У ворот оглянулся, увидел в окне беспомощную сутулую фигуру и... слезами задохнулся...

За время учёбы частенько навещал.

- Магомед, у меня всё хорошо. Главное - учись прилежно.

После окончания училища нет бы первым делом к нему, с новеньким-то дипломом... Помчался домой. А осенью, когда удосужился, с пакетом фруктов... его уж нет. Опоздал...

В приёмном покое сухо известили: «Умер. Остался баян». Мне разрешили забрать. Кто хоронил учителя? где?.. - неизвестно. Мы тогда были молодыми, не придавали большого значения утратам. Если бы время вернуть назад и ещё раз дать нам шанс… Сегодняшним-то умом организовали бы, конечно, и почести, и похороны достойные.

Нет, никто и никогда не даст нам переписать жизнь на чистовик...

Александр, я не сумел… Тебя прошу, не дай этому светлому человеку прекратиться. Уйти в небытие. Напиши о нём, как есть...

***

Благодарение и хвала Тому, кто не умирает.

Да будет так.

г. Дербент, 2010 год